

Выйдя из Юньтянь Шуйцзин, Хуа Чэ почувствовал невероятную лёгкость и ясность в голове.

Прожив жизнь заново, он решил больше не цепляться за прошлое и не мучить себя и других.

В прошлой жизни он был одержим Чу Бинхуанем. Сначала это было мимолётное увлечение, затем постепенное сближение, а в конце — любовь до гроба. Он даже дошёл до того, что захватил его и заточил в мире демонов, насильно сделав своим спутником по Дао, пользуясь своим могуществом и делая всё, что хотел.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что был настоящим мерзавцем.

Если бы Чу Бинхуань согласился добровольно, это было бы одно дело. Но он был холоден, сдержан и упрям. Даже если Хуа Чэ пытался взять инициативу на себя, тот предпочитал смерть сотрудничеству, даже пытался покончить с собой, как какая-то святая мученица. Хуа Чэ, как бы он ни был увлечён, не мог на это пойти.

Он даже не принял того, что было предложено на блюдечке. Это показывало, насколько он был ему противен.

Сколько людей мечтали оказаться в его постели, а он...

Хуа Чэ залез в повозку и усмехнулся.

Если бы на его месте был кто-то, кто безумно влюбился в него, готовый умереть ради любви, кто бы при первом же недопонимании запечатал его золотое ядро, а при втором — заточил бы его...

Он содрогнулся.

Как же он был неправ перед Чу Бинхуанем!

Насильно мил не будешь — это истина.

Через два часа пути Хуа Чэ вышел из повозки и велел Бабушке Цзян вернуться в усадьбу.

— Молодой господин, вы не поедете со мной?

С тревогой спросила Бабушка Цзян. Родственники не помогут, и молодой господин останется один. Что же ему делать?

Хуа Чэ, зная её переживания, лишь улыбнулся:

— Я... кашляю. Если оставить всё как есть, я могу умереть молодым.

— Молодой господин, не говорите такого.

Бабушка Цзян редко сердилась, но на этот раз её лицо стало строгим. Однако она не выдержала и вздохнула, её лицо выражало печаль.

— Я надеялась, что с помощью семьи Чу мы сможем вылечить вас. В Юньтянь Шуйцзин процветают культиваторы-целители, они известны по всему миру. Даже в знаменитой секте Шанцин, если кто-то заболевает, отправляются в Юньтянь Шуйцзин за помощью. Вы наконец-то нашли какую-то связь, даже если брак не состоится, хотя бы ради своего здоровья, почему бы не попросить?

Хуа Чэ, поглаживая гриву лошади, ответил:

— Какая это связь? Просто устное соглашение. Новый император, новые порядки, и это всё было решено нашими предками. Кто теперь будет соблюдать их волю? Да и моё положение... Лучше знать своё место и не мечтать о невозможном.

Бабушка Цзян почувствовала, как сердце её сжалось:

— Молодой господин...

— Хватит!

Хуа Чэ махнул рукой.

— Мне и так хорошо. Связываться с такими влиятельными семьями — не всегда к лучшему. Ладно, ладно, культиваторов-целителей много, не только в Юньтянь Шуйцзин. Я планирую поступить в какую-нибудь секту, не ради того, чтобы достичь бессмертия, а просто чтобы укрепить здоровье.

Бабушка Цзян подумала и согласилась:

— Если вы хотите поступить в секту, то, конечно, лучше выбрать лучшую. Вы хотите пойти в Шанцин?

Улыбка на лице Хуа Чэ замерла.

Да, в прошлой жизни он пошёл в Шанцин, и затем... произошло множество событий.

— Нет, слишком большая секта, слишком много интриг, не по мне, — сказал он. — Лучше какую-нибудь маленькую, незаметную. Я не стремлюсь к славе, просто хочу спокойно жить. Ха-ха, может, повезёт, и я стану старшим или управляющим.

Бабушка Цзян поняла, что Хуа Чэ уже всё решил, и не стала уговаривать. К тому же, прожить обычную жизнь — это тоже неплохо, по крайней мере, она будет счастлива и не будет нести никакой ответственности.

— Молодой господин, пожалуйста, берегите себя. Не лезьте в чужие дела, не спорьте с влиятельными людьми. Я знаю, что у вас горячее сердце и вы ненавидите несправедливость, но с нашим положением мы не сможем с ними тягаться, так что просто...

Бабушка Цзян не успела договорить, как Хуа Чэ обнял её.

Бабушка Цзян замерла. Молодой господин с детства был озорным и непослушным, и Хуа Мэйэр часто беспокоилась о нём. С возрастом он стал ещё более дерзким и циничным, всегда смеялся и шутил, редко проявляя такие тёплые чувства.

Хуа Чэ глубоко вздохнул. Кроме матери, Бабушка Цзян был самым близким человеком в его жизни.

Он ничего не сказал, лишь медленно отпустил её и, улыбнувшись, произнёс:

— Когда я украду младшую сестру из секты, сразу приведу её к вам.

Бабушка Цзян рассмеялась:

— Опять шутите.

Пусть она порадуется, ведь в этой жизни ему суждено остаться одному.

Проводив Бабушку Цзян, Хуа Чэ задумался, куда ему пойти. Долина Крика Феникса и Обитель Ночной Тени были известны наравне с Юньтянь Шуйцзин, но туда ему было не по пути.

Ладно, выберу что-нибудь поближе к дому, где будут кормить, поить и дадут крышу над головой.

Хуа Чэ вздохнул, всё больше раздражаясь из-за своего слабого здоровья. Он не был недоношенным, и его слабость и болезни казались странными. Никаких старых травм, никаких болезней — просто после перерождения он стал таким.

Может, перерождение не было бесплатным, и Небеса тайком взяли плату?

Эх, хотел бы я уехать в деревню, играть с кошками и собаками и спокойно доживать свои дни, но судьба распорядилась иначе. Чтобы не умереть от простуды, Хуа Чэ снова решил вступить на путь совершенствования.

Хотя у него был опыт прошлой жизни, и он мог практиковать самостоятельно, не поступая в секту, он потратил сотни лет на демонический путь, став демоническим культиватором, и забыл все техники Пути Бессмертных, которые изучал в Шанцин.

Прожив жизнь заново, он не хотел снова идти по пути демонов, если только этого нельзя было избежать.

Хуа Чэ попытался впустить ци в своё тело — это базовый навык для всех культиваторов, будь то бессмертные или демонические. В зависимости от таланта, этот процесс может занять от трёх дней до трёх лет. В прошлой жизни Хуа Чэ справился за полдня, вызвав всеобщее восхищение.

Теперь, с опытом, он справился всего за два часа.

Открыв глаза, он увидел, что наступила ночь.

Внезапно он услышал нежный стон.

Хуа Чэ подумал, что ослышался, и не обратил внимания.

Девушка, прятая за камнем и стонавшая уже некоторое время, потеряла терпение. Она проверила, спрятаны ли её лисьи уши, и, прихрамывая, вышла наружу. Её живые глаза были полны слёз, и она жалобно позвала:

— Спасите, господин, помогите мне!

Хуа Чэ посмотрел вокруг и указал на себя:

— Это ко мне?

Ещё бы! В этой глуши больше никого нет!

Лисья душа плакала, словно цветы под дождём, и, споткнувшись о что-то, упала прямо перед Хуа Чэ:

— Спасите меня, господин.

Хуа Чэ:

— Что с тобой? Кто-то преследует тебя?

Ну хоть бы помог подняться, мерзавец! — в сердцах подумала лисья душа. Это была её трёхсотая жертва, и как опытный культиватор-оборотень, она была уверена в успехе.

И надо сказать, этот парень был очень симпатичным, даже более нежным, чем тот принц, которого она съела на днях. Лисья душа смотрела на Хуа Чэ с вожделением, слюнки текли.

— Да, за мной гонится разбойник, господин, спасите меня, умоляю...

Я красавица, способная покорить сердца, неужели ты не сдашься?

— Так-так.

Хуа Чэ поднялся, протянул руку и помог девушке подняться, мягко сказав:

— Не бойся, я...

Лисья душа: Ха, мужчины!

Хуа Чэ сложил пальцы, как меч, и быстро коснулся нижнего даньтяня девушки.

Лисья душа, не ожидавшая такого, широко раскрыла глаза, смотря на Хуа Чэ с недоверием.

На ладони Хуа Чэ появились искры истинной энергии, и он виртуозно вырвал из повреждённого даньтяня лисьей души сверкающее золотое ядро.

В свете ядра глаза Хуа Чэ сияли, как драгоценные камни:

— Я куда страшнее разбойника.

Лисья душа:

— Ты... ты...

Хуа Чэ спрятал ядро и искренне улыбнулся:

— Спасибо.

Лисья душа умерла с открытыми глазами.

Этого не должно было случиться. Она видела, как он наблюдал за закатом, и он был обычным смертным!

Как он в одно мгновение стал культиватором с истинной энергией?

И как он мог быть таким жестоким и беспощадным!

— Стой!

Юноша крикнул, спускаясь с неба. Приземлившись, он бросил меч и поспешил к телу лисьей души, превратившейся в животное.

— Чёрт, пропало!

Глаза юноши широко раскрылись, и он резко повернулся к Хуа Чэ, протянув руку:

— Отдай!

Хуа Чэ:

— Что отдать?

<http://bllate.org/book/15412/1362920>